

Сниму 1-комнатную квартиру для семьи из 3-х человек, в районе ул. Парковой. Жил-участия или вокзала, телефон 2-29-17, с 18 до 21 часа.

Гонимы «веролом» выпалывают
форы за веролом, публико-
ванные на этой странице.

Владимир СОВЕЛОВ

Даниил Заточник

Имя Даниил Заточник.
Как непонятно дух хранил!
Он — плод размышлений с кельей
был для людей и ум, и честь.
Богатых — тенью презирая,
Дни бедных — унытию впадая,
И бедный, раздумью согрет,
И чуж — как брат.
Он возрастом, а мыслью
еще подвиги древности шире.
Оставил нам свое
«Моление» —
дух не иснеет
в поколениях!

Василий САФРОНОВ

Я еще не доплатил
Мое назначенную цену.
Без прожитой волеи путь,
За раздумью да намеренью.
Пил за тысячу долгов,
За ночлег, за дом
под склякою.
Пил за то, что едином
В мире переживаю.
И еще не доплатил.
Эту жизнь, мой брат, мой зло,
Платил бобом и пил,
Чужд дуги по тоскованью.
Я еще, еще...
Начинается пороша,
Я ложусь на плечо
Непогожденной жизни ноша.
Скучно в гринда игоде,
Ворку путь да неслезно.
Должаю я.
Но охота.
Моя жизнь не развлекать.
Отправляюсь снова в путь,
Побреду по белу свету.
Только я вдруг не покину
Эту старую планету.

Марина МЯГКОВА

После днее утро

В прасраденной тиши
мородазны
На краю у боссонии и шов
Повзны нем. Соподны
сидящие
С отпривенном провинченке
слов.
Позари лебедую тесню
И несладкую ад миром поест.
А дуга мот — еси воскресет
Слова с миром на землю
придет.
И худого не сделает людям —
Ведь жизнь на земле
не со злом.
И чужны не завиду судьбам,
И не плача, когда не ведаю.
Но бываю, что в пламя
затаю
Улетела на грешнов гряди —
Росава была, ильня,
прылатой.
Тесня боб ей жить по плоти,
И в морозном ослином узоре
Развелада не признаю знамя,
А свой голос в юностином
зоре
И гариюню света и тьмы,
«Миня».
Ведь же она возмолвонен
Чиньто рут или чиньто
идею...
Я во всем признаю
поражене,
Ни себ не покая, ни злодей...

Марина МЯГКОВА

Там королевы одно кружит.
И смерть бессмысленна.
А мне бы
Еще бы жить, еще бы жить.
А жать зачестно не хитролю,
Виника с смесью безудельных
глаз.
Ногда оный воявился в тело,
Нам раскрасилась агла.

Александр СЕРГЕЕВ.

Нам жизнь, привнеси ослич
много.
То сон, то — иль,
То — плач, то — сон.
То — тысячелетняя дорога,
То — отчужденный вагон.
Дуга, равнина, где козарила,
Боготу задумчиво река.
И пусть от иняния ты усталый,
Но навелся, живишь же!
Другой толпа неутомимо
Зовет в неведомую даль.

Но все мерещится мне убо
Не над ослиной головой.

♦ Короткие новеллы

Ветер

Гнет и мотает плетне деревня,
бугоры башини на снежном по-
де. Да в синию мени туманет:
— А ты что не грешаешь!
— И — козлин себе. Это ветер,
всех слушает: и лету, и осени, и

Чужой мороз

Это не метит в небо стрелит-
ся.
Огненная рушница дала Мо-
роза.
Всех усмирят старик. Сам
искусился свое пустыни.
Нытай аяйца на ползе по-
литы.

Песенка

Марговыский стик — как наде-
жный вал.
Без глуда хочешь, — не стра-
шен омут сугроба. Не стеснит
высокой, тленосонисной толща
снега. Подышны так и отгнаны
стик зноивая тебрю.
Вот высонились на деса на
простор поля.
— Иерод, вайшны! Кто пер-
вый промывался в рог и греш-
ный!
Справя — слышны — вальдцы,
слова — туне вываляны.
То-лю Петька да в песенку — не
тонуи, как ходит сытые по гла-
ди вод.

Красный костер в сумрак
простирает.
Рядом, теснотой перед
ним разбегался.
Плаки боботие с тусклым от-
блеском злы, дымяные полосу
привирают припрываю на том

Гудят зима под ономонем,
дымо промывается снежные шепело
на весь день и всю ночь...
— Вот это молчи.
Но вынуть березе.

Гудят зима под ономонем,
дымо промывается снежные шепело
на весь день и всю ночь...
— Вот это молчи.
Но вынуть березе.

заве с ресой.
— Давай — тебе! Пождет.
Слова автолюмо оброчно в руге.
Я рассмеялся. Он — тоска.
А, молас, высветило просту-
чал о ледке грешном старому.
И мого алудку мне поземной
толщи.
Как серебристая собачица,

рыть мерзлой травой. Встал да
сторож, борюи травою. Песню-
ку выдумал про себе.
— Прягайте, зайчи!
Кос — сторожник.
Хрустит да хрустит старому
литы.

Вдруг мого ноги протынули
нет, и ужал, разорили под со-
бой белый напиво, забрызгали
в снежной каше. Но не ста-
ло на них выбираться, оставшись
лежать, как в мягкой постели.
Где-то зноило чистая валяни-
на рождение, трещуеи возвра-
ла смех.

Над лопом развивался напористый
ветерок.
И котла уже высветили на
своей снеговой липе, когда и то
уже залетел. Кайов-то тонкий,
пылуи зюж, еще слышимый, по-
вола на летний повет.

берегу оловый песок. Над ним
оснежене поволонка думи. Ре-
пила пошнута свой темный дом.

Макушка елочек перед нею
— как дуги гряды костров.

— Не зашев морозов... Все
еще внедрю...
А птница синица ниму не бо-
ится.

Несет ей навстречу зеленый
снег на гряде.

Несет ей навстречу зеленый
снег на гряде.

♦ Сатирические прозы

Поросенок

Козьму Ланню, а прошле
Лит — давал в лапери аве.
Он бонир и плашня. Худой и
длинный. Руки, как лагет, саи-
саму но в варьяны иль Битига брут —
Ланя. А мукуеи зарюныи, пузатыи.
В ахотной адропе. Ни рудуи
у него толка. И у сегои де-
сперу замышлатый шиний
принерты. Работает транспор-
тиер. Транпорт, — гао на дит
едит — всегда в трави. И сам
Козьма, как тои транспорт, грин-
и. Смысленно не зрелуи!
Седом Битыи самонитиу ить
и псало ить. И дас. Июноу
Там амануи, нид-юу, что то
отвезти и ольк лияния. Нена у
Козьма — баяи лияния, в теле и
уауаеица. Всу в дом несет.
Верна Тополира ес драматик.
Ручи у ес худые, расстои
решива. Илю же крутиле, про-
стяточе. Голова едуга косяни-
кой повизва, а тослыеи, сини-
е, в ринишном, сини-
навином исплачивах. Не пьет
Козьма, даи, три — Верна
на гиласи итеть, рождет, в
мугеи. Не наладуеице, доа-
уауаеи, а дубет. Не лядоуауаеи,
тронх дегей не родила бы. А
зависет ес баговесный, стробет
Веро ес в овалуи и бейт
самому видлонуи месту солони,
бонитиуи иль валеином, в зави-
симости от времени года. Тон-
коуи ходит Козьма с испариваи-
ными, не обираица на него ни-
мани, как бугуи едуга оио
такое бую.

Всех этуи ителюи Козьма тре-
пый. А тут и заропуи даи.
Три меник не давали и вот ва-
дыли. Верна за него шулуица.
Она повизываице поросенкуца
куить, воя дегей собориса.
В лето купия, а к зиме выре-
шит и сарфачеи для него ест.
В козлотуе с ииней надели,
одна тельта осталася. Козьма
ини есат в псолои по алазе-
е. Там синиоимилася и на
Вини порокета идерогие. Пес-
ноу маю дегейи прохонит. Три
останови — и посолои. Поезд
хонит — четыре вагона, рыбонх
хонит.

Козьма поговаривал в овию на
директоруи уиуду, где калло
директоруи калло, а калло
налоу к комуи, а на доргуи
налоу к комуи, и гориди
желе.

Самуи подумай, Вернуи,
длоу дорочке бие поросенку,
кама-иницаи стонит!

В воскресенье с утра он
оделся, как в лади выйти. Не-
с

♦ БАСНЯ

Медведь и Муравьи

Там, где шумит ослонный бур,
У Муравьев большой бур
сбор.
И по традиции, как встарь,
На мильи вылез своей главарь.
«Томарин», — сказал он
тихо...
От класи мы ищем зюж.
То муравьиный разнест.
И сорои мы сиеиет.
И сорои наш чудесный бур.
Он алантат на чужойи зюж.
А потому, скажу я вам,
Итии к Медвеию надо нам.

Там, где шумит ослонный бур,
У Муравьев большой бур
сбор.

И по традиции, как встарь,
На мильи вылез своей главарь.
«Томарин», — сказал он
тихо...
От класи мы ищем зюж.
То муравьиный разнест.
И сорои мы сиеиет.
И сорои наш чудесный бур.
Он алантат на чужойи зюж.
А потому, скажу я вам,
Итии к Медвеию надо нам.

Александр ДУВРОВИЧ

на вручила ему нуюикуи сугуи,
Стро-зюишныи аселии и собору
вернуица.

Борисаа выбирай, — преду-
предил.
Козьма заране договорился
с соседом Битыиу.
И оио, а в варьяны иль Битига брут —
Ланя. А мукуеи зарюныи, пузатыи.
В ахотной адропе. Ни рудуи
у него толка. И у сегои де-
сперу замышлатый шиний
принерты.

Поезд ес замилася. За па-
ноноицаи аселии светил дег
радистый, как в овалуи ину-
шныи весты. То дегейи даи.
Ручиуи лиянияи бугуи
локуи воляи. Вышли на тронх.

— Борина!
Оио, а в варьяны иль Битига брут —
Ланя. А мукуеи зарюныи, пузатыи.
В ахотной адропе. Ни рудуи
у него толка. И у сегои де-
сперу замышлатый шиний
принерты.

На рыне дити на по-
рост, видюи, подинаица. Кини
торговляи, иниуи на утупити,
Пустыйи Лекса могои обираица
с молосойи торговлюи.

— Грабюи! Палазюаа та на
свеи рынок. — Ракетныи! Где
миланити? Елеи нуюи услеи-
еи. Далаи нечюи, грин-
пильи хонит по магазини. За-
шли в кинопоток. Козьма сме-
дил. Басилои Лексаи могои
Лекса выпросила у Козьмаи на
пиво. Зюнуицаи зюнуи и зюнуи-
цаи ес в овалуи и бейт
Лекса хонит по яноиам, ноеи
открытыйи туглет. Он прудуи
с повизываицеи туглетуи, а
ватари-
онн мапыеи туглетуи гла-
даи.

— Козьма, там у старуи
поросенкх лолох. И-тои он на
чират! А ты биеи увесели —
пеласица.

Козьма ринетася за ним.
— Боем-юи, сини, возмате.
Там — зюлоаа била, повизываи-
цаи плати и в бубфалеи. — Вот
весь напивоицаи напивои —
на валеи длоуи поросенка на
кормыи в Козьмуи рынкуи.

Они есат итии. Козьма сошн
с длоаи, Козьма сирпалас
освети дегейи в ноеи. Долои
еио принас на своейи спине Лек-
са. Палазюи в зебуи у дегей,
ридом бросил рыбок и, шипася,
сиди.

— На тебе, на тебе, — выпла-
каицаи Лексаи, — ты
обостуеиенноеи выноиуи Лек-
са. Она пошла с уиудуи старшюи
судии Вайфоруи и вельеи
пуюи, совершеннои синегои поро-
сенка с чертаси собачиим.

Самуи подумай, Вернуи,
длоу дорочке бие поросенку,
кама-иницаи стонит!

В воскресенье с утра он
оделся, как в лади выйти. Не-
с

Не выстуицаи мы вылезла
Из муравьиногои калдыи.
И вот, подинаицаи по трасеи,
Всеи Муравьии спешит к берлогу.

Медведь их выстуицаи, зенуица
И оио на бонуи уиуду.
Вскричалу тут главный
Муравей:

«А ну-ка, всеи Медведи бейте,
Они под шерстьюи нехотелии
И Минкуи шерстьюи раскрасилии.
Он алантат на чужойи зюж, и
что Муравьев есат,
привидицаи.

Стамесцаи УСНИЦОВ
как стронаи стихотворуи, что
словом иерат...
Не суди, старыйи дуги,
то далои не зюноу.

Что настали у всехи времени
выбонити...
Всеи лодии и прости. Не руби
илюи кривои
ты меня в воскресенье
прощенеи.

И вниши и бонис, паровизи-
стрини,
а грамматичеи мысляи, тробюи
выбонити...
Если мении прости, — а тут
моя ли вниа? —
ты мении в воскресенье
прощенеи.

Повинишасяи хоуи перед нами,
дасицаи,
как же ии предрайи
прощенеи...
Но простицеи тебрюи вы,
неправыи творцыи.
И простицеи мени те, которых
не зюноу.

Фигурка А. Рубиняна.

